

Внезапный поворот событий лишил Жун Чэньцзюня дара речи. Он переводил ошеломлённый взгляд с Цзи Цзина, отлетевшего на пол после удара, на зависшего в воздухе кроху, который с надутыми щеками пытался выглядеть грозно. Происходящее решительно не укладывалось в голове.

«Я что, пропустил какую-то важную сцену?» — недоумевал он.

С чего вдруг они ни с того ни с сего сцепились?

Но стоило Жун Чэньцзюню застыть с открытым ртом, как Цзи Цзин растянулся прямо на паркете и принялся картинно кататься из стороны в сторону.

— А-а-а, середь бела дня сироту обижают! — вопил он. — Ничего не знаю, гоните компенсацию! Пока не заплатите, с места не сойду!

Впрочем, у крошечного тельца нашлось неожиданное преимущество: ползающий по полу карапуз не вызывал эстетического шока. Стоило только представить, как на его месте катается и сучит ножками здоровенный взрослый мужик, и по спине пробегал холодок...

Но Цзи Цзина, у которого явно заклинило какой-то винтик в голове, мало заботило приличие. Он мало того что превратился в лилипута, так ещё и позволил малышу сбить себя с ног.

Даньдань и без того кипел от ярости. Протаранив наглого духа, он надеялся, что тот вернёт себе прежний облик. Но этот пройдоха, пользуясь своим кукольным размером, бесстыдно разыгрывал комедию и кланчил деньги!

Какая... какая неслыханная наглость!

От такой беспардонности Даньдань рассвирепел окончательно. Духовная энергия вспыхнула, и он стрелой метнулся к кривляющемуся на полу Цзи Цзину. Приземлившись рядом, кроха грозно навис над ним и обрушил на наглеца свои пудовые... вернее, размером с рисовое зёрнышко кулачки.

— Будешь знать, как меня дразнить! Будешь знать, как воровать мой облик! — приговаривал он с каждым ударом. Он раз за разом опускал крохотный кулачок, сопровождая каждое гневное обвинение.

Жун Чэньцзюнь лишился дара речи.

Он застыл на месте, во все глаза глядя на эту сцену.

«Даньдань... Неужели мой малыш может быть настолько свирепым?»

Полюбовавшись односторонней поркой, которую Даньдань устроил несчастному духу петуха, Жун Чэньцзюнь тихонько хмыкнул. С трудом подавив смешок, он напустил на себя строгий вид, подошёл и присел рядом, делая вид, что хочет разнять драчунов.

— Ну всё, Даньдань, успокойся. Хватит его колотить.

Говорить-то он говорил, да только и пальцем не пошевелил, чтобы оттащить малыша. Зато взгляда с Цзи Цзина не сводил: стоило тому хотя бы дернуться, чтобы дать сдачи, Жун Чэньцзюнь тут же прижал бы наглеца к полу.

Цзи Цзин, хоть и уменьшился, прочностью тела не уступал скале — какой-то карапуз из младшего поколения не мог нанести ему реального вреда. Сдачи он не давал, лишь истощно вопил для проформы:

— Ой-ой-ой! Убивают!

Прожжённый торгаш рассудил, что лучше получить ещё парочку тумачков, дабы потом предъявить солидный счёт за моральный ущерб. Мысленно потирая руки от удовольствия, он прикидывал, сколько тысяч кредитов сможет содрать за эту порку. «А день-то начинается просто отлично!» — ликовал Цзи Цзин.

Знай он раньше, что на банальных провокациях можно так легко делать деньги, давно бы забросил своё парикмахерское дело!

Но сделав ещё несколько выпадов, маленький яичный дух понял, что соперник и не думает возвращать свой прежний вид. От бессилия и обиды Даньдань вдруг всхлипнул и... расплакался.

Он обиженно скривился, его пушистые реснички дрогнули, и из глаз градом покатились крупные, чистые, как жемчужины, слёзы. Обида нахлынула такой лавиной, что он никак не мог остановиться.

Бросив колотить обидчика, Даньдань сполз с него, уселся прямо на ковёр и принялся кулачками размазывать слёзы по лицу. От безутешных рыданий он начал жалобно икать — зрелище было настолько щемящим, что сердце разрывалось.

И Жун Чэньцзюнь, и Цзи Цзин мгновенно растеряли весь боевой задор. Они никак не ожидали, что грозный боец, только что увлечённо раздающий тумачки, в мгновение ока превратится в безутешно плачущего кроху.

Сердце Жун Чэньцзюня сжалось от острой боли — он никогда не видел своего любимца в таком состоянии. Осторожно подставив ладонь, он перенёс плачущего кроху к себе и принялся кончиком пальца бережно стирать катящиеся слёзки.

— Малыш, ну что ты, что случилось? — встревоженно залепетал он, заглядывая крохе в заплаканные глазки. — Где болит? Ты ударился? Родной мой, не пугай меня так!

Горячие капли обжигали его длинные пальцы, словно расплавленный воск. Жун Чэньцзюню казалось, будто чья-то безжалостная рука стиснула его собственное сердце, заставляя задыхаться от глухой тоски.

— Жун... Жун-жун, — всхлипывал кроха, заходясь икотой и сжимая крохотные кулачки, — не смей... не смей любить его! Ты только мой... У-у-у...

Ему казалось, что его лишают самого дорогого, что теперь он перестал быть единственным и неповторимым для своего Жун-жуна, и тот непременно охладет к нему. Этот удушающий страх ненужности оказался во сто крат сильнее, чем тот испуг, который он испытал, когда его тайное убежище впервые обнаружили.

Жун Чэньцзюнь готов был на стену лезть от жалости к этому беззащитному комочку. Он принялся осыпать малыша поцелуями, непрестанно нашептывая ласковые слова:

— Мой хороший, ну тише, тише, не плачь. Конечно, я только твой. Слышишь? Только твой и больше ничей на всём белом свете...

В этот момент заботливый «родитель» готов был буквально вынуть из груди сердце, лишь бы доказать свою беспредельную преданность ненаглядному чаду.

Маленький дух обхватил обеими ручонками указательный палец мужчины, уткнулся мокрым личиком в его ладонь и шумно вздохнул. Только после этих слов он поднял опухшее от слёз лицо и с надеждой спросил:

— Правда-правда?

— Клянусь тебе. Твой Жун-жун всегда будет любить только своего малыша.

— Я не... — Даньдань смешно икнул, — не человек! Я монстр!

— Хорошо, тогда я буду любить только одного маленького монстра. Договорились? Ну всё, утирай слёзки, глупыш.

Буря улеглась, но Даньдань всё ещё тихонько вздрагивал, глядя на Жун Чэньцзюня со щенячьей нежностью и обожанием. Но тут он вспомнил про распростёртого на полу Цзи Цзина и мгновенно уставился на него самым «свирепым» в своей жизни взглядом.

— И не смей... — ик, — на него смотреть!

— Ладно-ладно, не смотрю, — улыбнулся Жун Чэньцзюнь. — Ну-ка, давай вытрем глазки.

С этими словами он поднялся, демонстративно проигнорировав валяющегося на полу петуха, и устроился на диване. Выудив из коробки крошечную бумажную салфетку, сделанную специально под размеры малыша, он аккуратно зажал её двумя пальцами и протянул Даньданю.

Оставшийся на полу Цзи Цзин молча созерцал потолок, переживая глубокий экзистенциальный кризис. На его лице крупными буквами читалось: «Кто я? Где я? Зачем всё это?»

Глядя на то, как безутешно разливается слезами этот крошечный дух, он невольно устыдился, почувствовав себя злодеем, совершившим по меньшей мере смертный грех.

«Подумаешь, размер уменьшил! Тоже мне, вселенская катастрофа! Стоило из-за этого устраивать целое наводнение?»

Собственнический инстинкт этого малыша переходил все мыслимые границы: он не желал делить с кем-либо даже свой уникальный крошечный рост! Цзи Цзин лишь покачал головой, окончательно признавая поражение перед такой бешеной ревностью.

Смирившись с фиаско, он нехотя принял свой обычный человеческий облик и, раскинув руки, уныло уставился в потолок.

— Эй, малявка, хорош мокроту разводить, — буркнул он без особого энтузиазма. — Я уже вернулся в норму, видишь? Хватит реветь, а то Жун Чэньцзюнь подумает, что я тебя тут пытал.

Жун Чэньцзюнь резко обернулся и одарил его испепеляющим взглядом:

— И у тебя ещё наглости хватает оправдываться! Зачем было устраивать этот цирк и пугать ребёнка? Мало он тебе бока намял, получить должен был вдвойне!

— Да ладно тебе! — взвился Цзи Цзин, приподнимаясь на локтях. — Имейте совесть! Я пальцем его не тронул, а твой сорванец отделал меня так, что рёбра ноют. Это я должен требовать возмещения ущерба, а вы на меня же всех собак вешаете!

— Свести счёты? — холодно переспросил Жун Чэньцзюнь. — Что ж, давай сочтёмся. И начнём с компенсации за каждую слезинку моего малыша! Пока не покроешь этот долг, никакой регистрации в Ассоциации не будет, так и знай!

Жун Чэньцзюнь не на шутку рассердился. С тех пор как Даньдань обрёл человеческую форму, он плакал от силы пару раз, да и то от испуга — чисто физиологическая реакция. Сам Жун Чэньцзюнь пылинки с него сдувал и оберегал от любых огорчений, а тут явилось это пернатое

недоразумение и довело кроху до истерики! Каждое судорожное всхлипывание малыша отзывалось в груди Жун Чэньцзюня невыносимой, физической болью.

Услышав угрозу, Цзи Цзин поперхнулся. Если этот упрямец откажется ехать в Генеральное управление по делам монстров, его вожделенные двадцать камней духа испарятся, как утренний туман!

К тому же, что это за формулировка такая — «компенсация за слёзы»? Неужели Жун Чэньцзюнь всерьёз вознамерился содрать с него деньги?

Нет уж, дудки! Испокон веков Цзи Цзин сам облапошивал простофиль, но чтобы кто-то обчистил его карманы? Такого позора его репутация не переживёт!

Мигом оценив масштаб надвигающейся катастрофы, Цзи Цзин ловким движением взмыл с ковра и чинно уселся на соседний диван, сделав лицо кирпичом.

— Ну что вы раскричались, — запричитал он, примиряюще замахав руками. — Ну пошутил я, с кем не бывает? Мы же друзья, зачем сразу деньгами швыряться? Это только вредит нашей тёплой мужской дружбе!

Он перевёл взгляд на пригревшегося на ладони босса кроху:

— А ты, кнопка, зря так разволновался. Сдался мне твой Жун-жун, никто его у тебя красть не собирается.

Даньдань, всё ещё изредка всхлипывая, сильнее вцепился в палец Жун Чэньцзюня. Услышав оправдания наглого духа, он обиженно фыркнул и демонстративно отвернулся, уткнувшись носом в тёплую ладонь покровителя.

Он был маленьким, но отнюдь не глупым. Не отреагируй он так бурно, покажи Жун Чэньцзюню полнейшего равнодушия к чужим фокусам — этот бессовестный петух непременно попытался бы втереться в доверие к его Жун-жуну в образе милой малютки.

Этот корыстолюбивый дух петуха за кредиты душу продаст! Смекни он, что за кукольный размер можно получить безграничную ласку и покровительство богатого босса, тут же без зазрения совести прыгнул бы к нему на ручки.

И тогда прощай единоличное владение!

Нет уж, такого коварства он не допустит! Жун-жун принадлежит только ему, и Даньданю! И горе тому, кто посмеет посягнуть на его собственность!

Глядя на то, с какой ревностной преданностью кроха прижимается к нему, Жун Чэньцзюнь не выдержал и мягко улыбнулся. Сердце затопила такая нежность и глубинное, абсолютное удовлетворение, что впору было замурлыкать.

Благодаря этой утренней буре в стакане воды он окончательно уяснил одну простую вещь. Не только он не мог прожить без этого малыша ни дня — сам малыш нуждался в нём точно так же.

В каком-то смысле они идеально подходили друг другу: два безумных собственника, не желающих делить свою любовь ни с кем в мире.

— Тебе уже несколько тысяч лет, Цзи Цзин, а ума как у цыплёнка, — сухо заметил Жун Чэньцзюнь. — На первый раз прощаю. Но предупреждаю: если ещё раз посмеешь довести Даньдана до слёз, пеняй на себя. Вежливостью я утруждаться не стану.

Цзи Цзин тоже слегка насупился. Подумаешь, пошутил над малым! Стоило ли раздувать из мухи слона и сыпать угрозами?

Он небрежно откинулся на спинку дивана, закинул руки на мягкие подлокотники и вальяжно вытянул ноги. Всё его существо так и лучилось надменным высокомерием. В воздухе медленно разлилась тяжёлая, давящая аура древнего существа.

Огненно-рыжие волосы словно вспыхнули ярким пламенем, а нелепый наряд перестал казаться клоунским. Напротив, в этот миг перед Жун Чэньцзюнем предстал истинный великий монстр, обладающий колоссальной силой.

— И что же ты мне сделаешь, юнец? — с ленивым вызовом процедил он.

Жун Чэньцзюнь лишь снисходительно усмехнулся в ответ на эту демонстрацию силы:

— Силой мериться вздумал? Да, возможно, в магии мне с тобой не тягаться. Но ты сам говорил, что Ассоциация монстров строго карает за использование чар против людей. Особым могуществом я пока не обладаю, зато у меня есть то, что в этом мире решает куда больше, — связи. Кажется, господин Цзи держит элитный салон красоты, верно?

Вся спесь с Цзи Цзина слетела в ту же секунду. Аура великого монстра испарилась без следа, уступив место привычной угодливой мимике:

— Ой, ну ладно тебе, Жун Чэньцзюнь! Зачем сразу козырями бросаться? Подумаешь, пустяк какой! Не буду я больше трогать твоего драгоценного Даньдана, клянусь хвостом! Стоит ли из-за ерунды беспокоить уважаемых людей?

Цзи Цзин прекрасно понимал масштаб угрозы. Жун Чэньцзюнь ворочал миллионными

капиталами, обладал неоспоримым талантом и контролировал львиную долю модных ресурсов. Вся столичная элита человеческого общества спала и видела, как бы заполучить его расположение.

Ссориться с таким тяжеловесом было экономическим самоубийством. Хотя они и крутились в одних кругах, статус Жун Чэньцзюня стоял неизмеримо выше. Разозли он его по-настоящему — боссу Жун достаточно будет сделать один звонок нужным людям, и все вип-клиенты его салона испарятся в тот же день.

К тому же Жун Чэньцзюнь, хоть его кровь ещё окончательно не пробудилась, подсознательно излучал настолько мощные флюиды, что сомневаться не приходилось: перед ним стоял отпрыск высшей расы монстров. Вполне возможно, он обладал древней родословной. Идти против такого монстра — чистое безумие.

Сам Цзи Цзин дополз до своего нынешнего уровня лишь благодаря жалкой крупнице крови Трёхлапого Золотого Ворона. Нет, затевать вражду с Жун Чэньцзюнем решительно не стоило. Совершенно невыгодное дело!

Раз уж тот так трясётся над своим яичным духом — ладно, умываем руки. Велика потеря! Просто за долгие века безумной скуки наконец-то подвернулось весёлое развлечение, вот он слегка и перегнул палку от избытка чувств.

Быстро уладив внутренние противоречия, Цзи Цзин мгновенно сменил тему, будто ничего не произошло:

— Ну всё, закрыли тему. Ступайте умываться да прихорашиваться, а то время поджидает. Ассоциация монстров вот-вот откроется, негоже опаздывать в первый день!

<http://bllate.org/book/18224/1751600>